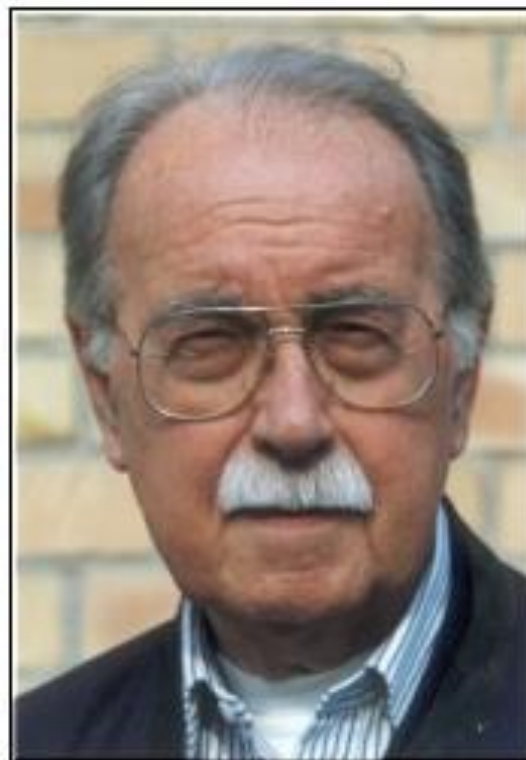

НЕМЕЦКИЙ АРТИЛЛЕРИСТ ХЕЛЬМУТ ОРШИДТ (HELMUTH ORSCHIEDT) РАССКАЗЫВАЕТ О ВОЙНЕ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Хельмут Оршидт (родился в 1923 г.) находился с перерывами на североафриканском театре военных действий в 1941-43 гг. Он оставил записки и интересные фотографии, снятые им и его товарищами.

Хельмут Оршидт в 1941 г. (слева) и в 2000 г. (справа)

Лето 1940: Находясь в 8-м классе *Realgymnasium* (Средняя Школа) города Людвигсхафен (Ludwigshafen), мы, молодые люди 17-18 лет, боялись, что опоздаем [на войну] и так и не станем «победителями». Большинство из нас отправилось в местный призывной пункт и записалось в армию добровольцами. В то время это было вопросом чести. Мой отец хотел, чтобы я стал артиллерийским офицером, как и он сам. До того, как меня приняли в армию, мне предстояло пройти занимавшую несколько дней медицинскую комиссию.

Октябрь 1940: Наступил день, когда я стал солдатом. Меня записали в резервный батальон 33-го Артиллерийского Полка, дислоцированного в Дармштадте (Darmstadt). Началось обучение, и это был нелегкий процесс. Особенностью обучения было то, что оно проходило под началом унтер-офицеров, которые когда-то служили в Рейхсвере. Нашим главным инструктором был сержант Маурус (Maurus) – невысокий человек, безжалостный ко всем баварец, с голосом, напоминавшим «иерихонскую трубу». Он учил нас маршировать, стоять в строю, обращаться с винтовкой (Carbine 98k) и всему тому, что было необходимым для превращения нас в солдат.

Ноябрь 1940: Нас перевели в Ландау, где находился штаб полка. Дальнейшее обучение было связано с изучением новой пушки - LFH 18, 105мм (Легкая Полевая Гаубица). Полк

все еще использовал конную тягу, но уже проводилась его моторизация. Колеса пушек были снабжены твердой резиной, прибывали полугусеничные тягачи, солдат обучали обращению с новой техникой. Нашим старшим инструктором был фельдфебель Венгермайер (Wengermeyer), тоже баварец – высокий, худощавый, с крутым нравом. Мы его уважали.

Январь 1941: Меня перевели в 1-й Батальон 33-го Полка (*входил в 15-ю Танковую Дивизию – ВК*), дислоцированный в г. Бергцаберн (Bergzabern). Я оказался новичком в обстрелянной части, которая к тому времени приняла участие во французской кампании. Я встретил новых товарищей, отличных парней.

Февраль 1941: Весь полк переброшен в полевой тренировочный лагерь Баумхольдер (Baumholder). Мы продолжили боевую подготовку с участием танков и пехоты, стреляли боевыми снарядами, улучшили свои навыки в быстрой смене боевой позиции и стрельбе прямой наводкой. Как интересно стрелять боевыми снарядами! Я научился водить автомобиль и легкий грузовик. Это было особенно приятным времяпровождением, и мы выезжали из лагеря на шоссе и на новый автобан, словно на экскурсию.

Апрель 1941: Совершенно неожиданно нам объявили, что мы отправляемся на юг, в Северную Африку. Технику поспешно выкрасили в цвета пустыни, а нашу серую форму заменили на форму цвета тропического хаки. Мы также прошли тест по физической подготовке. Меньше чем через две недели полк был готов к отправке, техника была погружена на железнодорожные платформы, и мы тронулись в путь через Германию и Италию. Конечным пунктом был Неаполь. Отправившись в путь в холодные апрельские дни, мы радовались теплу итальянской весны. На всем пути нас приветствовало гражданское население, и во время остановок итальянцы угощали нас вином и апельсинами, желая нам удачи. Наши неапольские казармы находились в пригороде Bagnoli. Помимо боевой подготовки мы осматривали окрестности: Pompei, Mount Vesuvio, Ercolano, Sorrento, Blue Grottoes и пр. Но вскоре эта сладкая жизнь закончилась.

Май 1941: В первую неделю мая мы грузили технику на транспорт *Ernesto*, а 8-го отправились в путь вокруг Сицилии. 9 мая мне исполнилось 18 лет. Через три дня мы прибыли в Триполи, избежав торпед и бомб. Конвой немедленно разгрузился, и мы покинули порт, как только появилась возможность, отправившись в полевой лагерь. В лагере все еще находились части 15-й Танковой Дивизии. Постепенно они были переброшены на фронт. Наши 2-й и 3-й батальоны уже отбыли в направлении Тобрука. Через несколько дней, проведенных в лагере, мы акклиматизировались и получили приказ отправиться к Египетской границе. Марш по трассе Виа Бальбо (*Via Balbia - шоссе из Триполи в Бардию общей протяженностью 1822 км - ВК*) в направлении форта Капуццо (Capuzzo) занял у нас примерно неделю.

Мы заняли позиции вблизи точки 206, примерно в 5 км к югу от Капуццо, прямо у колючей проволоки, обозначавшей египетскую границу. Окопаться было невозможно, поскольку под нами был крепкий скалистый грунт, и нам пришлось выкладывать каменные стенки для защиты от пуль и осколков. Справа от нас стояла итальянская батарея. Это были отличные ребята. Было тихо, британцы были далеко, за пределами максимальной дальности стрельбы наших пушек, ну и мы, соответственно, так же далеко от них. По случаю я встретил моего старого школьного приятеля Фритца Хэге (Fritz Haege), служившего в 115-м Пулеметном Батальоне, и нанес ему визит на позицию в одном километре от нас. Я не подозревал, что это наша последняя встреча. 2 декабря 1941 г. он был убит под Бардией.

Расположение упомянутых в записках основных географических пунктов
https://en.wikipedia.org/wiki/Fort_Capuzzo

Июнь 1941: На рассвете 15 июня, после холодной ночи, я проснулся от воя и грохота артиллерийских снарядов, падающих напротив нашей позиции. Я был напуган. Первый раз в жизни я был под артобстрелом. Батарея была приведена в боевую готовность. Командиры выкрикивали приказы. Спокойная жизнь закончилась: Томми атаковали наши позиции, хотя мы их не видели. Наш расчет получил приказ переменить позицию и присоединиться к боевой группе, состоявшей из еще одной батареи, роты танков, батареи 88-мм зениток и отряда пехоты. Подъехал наш тягач, мы прицепили к нему нашу пушку и быстро тронулись в путь на запад, затем на юг, и в тот день несколько раз вступили в бой против британских танков, в основном, машин *Crusader Mk. IV*. Их попытки прорвать нашу оборону оказались безуспешными. Наши танки и 88-миллиметровки подбили большое количество вражеской техники, и к полудню пустыню затянул дым от горящих танков и других машин. Впервые я увидел мертвых солдат, немцев и британцев. Всю ночь мы отдыхали, на следующий день бои продолжались – мы постоянно перемещались, как будто в морском сражении. Во время очередной атаки, после выстрела из нашей пушки, меня отшвырнуло назад, и я ударился ногой о левую станину. Нога отекала, мне стало трудно ходить, но я не хотел оставлять расчет. Через несколько часов боль ослабла. В следующей атаке снаряд британского танка угодил в колесную ось нашей гаубицы, и осколки ранили 1-го номера – капрала Людвиг Зелига (Ludwig Selig). Его перевязали, и он тоже остался в строю. Пушка была повреждена не очень сильно, и мы еще могли перемещать ее. Нас сильно мучали жажда, жара и пыль, которая покрывала нас с ног до головы. Возможности умыться не было... На третий день бои утихли, и Томми отступили на исходные позиции. Мы назвали эту операцию *Sollum*, британцы - [Operation Battleaxe](#). Они стремились снять осаду с Тобрука, но их усилия не увенчались успехом – это обошлось им почти в сотню потерянных танков. Но и частям Африканского Корпуса пришлось зализывать раны.

Я не имел понятия о том, куда мы направились после этого, но чувствовал, что мы смещаемся на юго-восток. Однако потом мы повернули назад в направлении Бардии, отдохнули и не стали возвращаться на прежнюю позицию на египетской границе. Мы

занились ремонтом и обслуживанием нашей техники, выстирали форму, искупались в заливе Бардия, потрудились на ремонте автодороги Виа Бальбо, идущей вдоль побережья. Мы также приняли участие в разгрузке британского транспортного судна, полузатопленного близ скалистого берега моря к западу от Бардии. Нам пришлось спускаться по веревкам с обрывистого берега и подплывать к сухогрузу. Ящики с грузами мы связывали в плоты и тянули их в сторону берега, а затем на веревках поднимали на верхнюю кромку обрывов. Нам достались консервированные фрукты, картофель, бекон, масло, колбаса, мясо, сухое молоко, галеты, табак, сигареты и еще много другое. Все это помогло нам улучшить тяжелые полевые условия жизни в пустыне.

22 июня 1941: Нам сообщили, что германская армия атаковала Советский Союз. Мы не могли сказать что-либо по этому поводу, но посмотрели друг другу в глаза и угадали мысли друг друга. Некоторые из солдат постарше сказали, что пришло время сваливать отсюда куда подальше, некоторые выразили интерес к тому, чем все это кончится. Так или иначе, всем приходилось придерживаться языка. Затем, совершенно неожиданно, всегда продувавший все ветер обратился в шторм, и с юга на нас обрушилась стена песка. Это была *GHIBLI* – наводившая на всех страх песчаная буря, которая на этот раз сделала невозможной какую-либо активность на целых три дня. Всюду летели песок и пыль, они забивались даже внутрь наручных часов. Мы обмотали головы, чем могли, и улеглись. Ничего другого нам не оставалось для того, чтобы просто выжить. Мы не могли есть, могли разве что грызть песок. Потом все это закончилось так же мгновенно, как и началось.

Жизнь в пустыне была тяжелой. Я не припоминаю, чтобы нам говорили о том, что нас ждет в Северной Африке и как все это преодолевать до того, как мы туда отправились. Но мы быстро учились. Самым трудным была нехватка питьевой воды. Дерна (*Derna*) была единственным местом, где мы могли раздобыть сносную воду. Но для этого грузовики должны были проделать трехдневный путь вокруг Тобрукского периметра туда и обратно по этой печально известной пыльной дороге. И еще нам вечно не хватало бензина. Между Тобруком и границей было очень мало колодцев. Те, к которым был доступ, были преднамеренно разрушены или загрязнены противником. Так или иначе, вода, которая нам доставалась, в большинстве случаев была грязноватой и имела привкус соли. Приходилось ли вам пить кофе или чай, заваренные в соленой воде? Да и мало было воды помимо того, что она была дрянной. Установок для опреснения воды у нас не было. Мы использовали имевшиеся у нас небольшие брезентовые ванны для того, чтобы сохранять воду.

И потом, наши рационы были бедноватыми: суп из сушеных овощей, *A.M. = Amministrazione Militare* = консервированная говядина (мы называли ее *Alter Mann* = Старичок), консервированные сардины, твердый сухой сыр, *ADA Tubenkäse* (мягкий сыр), *Knäckebröt* (тонкие ржаные галеты), пресервированный ржаной хлеб (*Wittler Dauerbröt*). Иногда нам доставались трофейные британские продукты, которые мы рассматривали, как деликатесы.

Мы сильно страдали от мух. Они были повсюду, и нам приходилось носить на голове защитные сетки. Еще одной проблемой было соблюдение личной гигиены. Умыться, почистить зубы и побриться удавалось только 3-4 раза в неделю. Временные туалеты (*Donnerbalken*) устанавливались только тогда, когда мы оставались на одном месте какое-то время. Обычно приходилось удаляться с лопатой, чтобы потом закопать собственные фекалии. Мы называли такую прогулку *Spatengang* (*Прогулка с лопатой*). У нас был строгий приказ действовать именно таким способом. К сожалению, итальянцы беспокоились об этом в значительно меньшей степени.

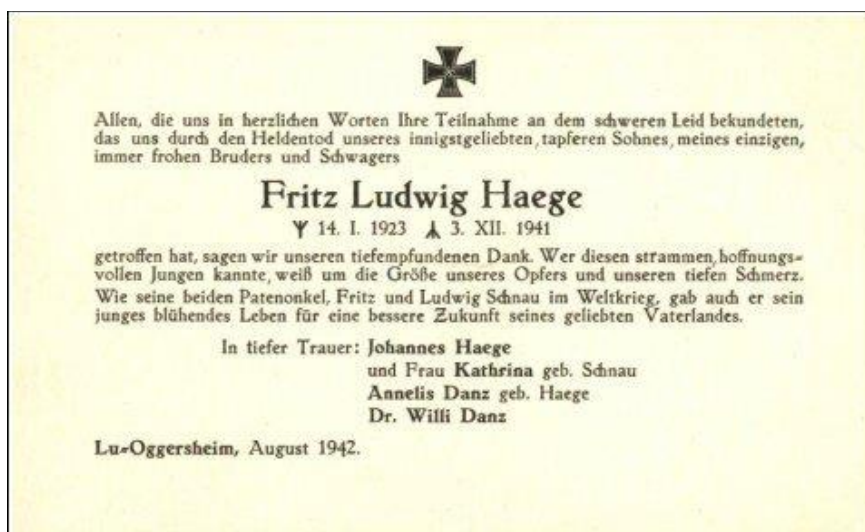
Мы страдали и от жары. В летние месяцы температура в середине дня достигала 40-45 градусов, а ночью могла упасть до нуля. Но днем всегда дул ветерок, и воздух был абсолютно сухим. Благодаря этому жару можно было выносить. Выданные нам тропические шлемы быстро сносились, но мы предпочитали обычные кепи, так или иначе.

Наша хлопчатобумажная форма вполне годилась, но в летнее время мы обычно носили рубашки и шорты. Для защиты от солнечных ожогов нам выдавали молокообразную жидкость, носившую название *Tschamba Fii*. Она отлично защищала кожу. У меня ни разу не было ожогов, поскольку моя кожа хорошо загорала.

Июль-сентябрь 1941: 26 июля я получил приказ отправляться обратно в Германию для прохождения дополнительного обучения в Артиллерийской Школе в г. Ютербог (Jüeterbog, 80 км к югу от Берлина) вместе с несколькими приятелями из нашего полка (Hans Meyer, Dieter Hagen, Heiner Chelius, K.H.Bunke, Hajo Mächtel, Schauß, H.G. Louis, Scheuermann и др.). Мы упаковали наши вещи и уже на следующий день тронулись в путь, голосуя всю дорогу до Дерна. В Дерне мы сели на Ju-52 и перелетели через Бенгази и Триполи в Катанию (Catania, Сицилия). Отдохнув и приведя себя в порядок, мы на поезде добрались до Неаполя. Там прошло еще несколько дней, занятых медицинскими тестами, осмотром достримечательностей и ожиданием. На поезде мы доехали до Германии, конечный пункт – Хомбург (Homburg, Saar).

Наш запасной батальон базировался в этом городке. Мы получили две недели отпуска, которые я провел дома, с гордостью демонстрируя всем мою выгоревшую африканскую униформу. Я сильно похудел, и моя мать сделала все возможное, чтобы подкормить меня домашней пищей. Я получал от этого удовольствие, как никогда раньше. Мой отец к тому времени получил чин майора, а мой брат пока ходил в школу. Покинув родительский дом, я прошел курс вождения автомобиля и верховой езды в городке Нидерланштайн (Niederlahnstein) на Рейне. Я учился водить тяжелые грузовики, но также получил удовольствие от [учебной] езды верхом, хотя и спрашивал себя: «Для чего это?» - ведь я служил в механизированной части! Так или иначе, это было развлечением.

Сентябрь 1941 – июнь 1942: Мы обучались в Артиллерийской Школе. Само собой, мы переоделись в серую униформу (фельдграу – feldgrau). Нас учили всем премудростям продвинутой артиллерийской стрельбы. На выходные мы часто ездили в Берлин, гоняя по шоссе. Мы останавливались в прекрасном отеле, ходили в кино, на представления, в оперу и в театры. Я встретился с отцом, которого перевели в Россию, но там он сильно заболел (пневмония) уже через 3-4 недели, и его вернули в Берлин на лечение. Я окончил Артиллерийскую Школу в чине *Fahnenjunker-Wachtmeister* и был возвращен в запасной батальон. За день до того, как мне предстояло переодеться в тропическую униформу, я заболел и угодил в карантинный госпиталь на 8 недель. По радио я услышал о том, что Африканский Корпус наступает и успешно продвигается вглубь Египта и что пал Тобрук. Я завидовал своим товарищам, которые уже вернулись в Африку. В конце концов, после дополнительного двухнедельного отпуска для полной поправки, я отправился на поезде в Мюнхен, оттуда – в Афины.

Открытка с благодарностью за соболезнования, отправленная родителями Фрица Хэге (Fritz Haege) - школьного друга автора записок. Он служил в пулеметном батальоне 15-й дивизии и погиб в ходе операции Crusader осенью 1941 г., когда его подразделение попало в засаду, устроенную батальоном новозеландских маори. Его батальон почти полностью погиб – из 450 человек выжило только 14.

Июль-октябрь 1942: Прибыв в Афины 3 июля, я через три дня перебрался на самолете на Крит, еще через 12 дней – в Эль Адем (El Adem), аэродром к югу от Тобрука. Мы летели в 20-30 м над водой в группе из примерно 30 самолетов. Я вызвался занять место у пулемета MG 15, надеясь защитить себя, а не сидеть, сложа руки, в случае атаки противника. Но мы перелетели без происшествий. Когда мы приземлились в Эль Адеме, нас срочно отогнали подальше от самолета. Через 15 минут британская бомбардировочная эскадрилья обрушилась на аэродром, но Ju-52 уже был в воздухе на пути назад. Здесь время попусту не тратили.

Я нашел грузовик, отправлявшийся на восток, к линии фронта, но сначала мы отправились в Тобрук, чтобы взять груз. Невероятно – я был в Тобруке! Здесь все было вверх дном. Всюду развалины, порт забит затопленными судами. Но склады были полны припасами от Томми... Через два дня я уже был в расположении индентантского подразделения нашего полка близ Эль Дабы (El Daba). Я встретил некоторых старых приятелей, которые пригласили меня перекусить с ними. Ну и перемена по сравнению с 1941-м! Все у парней было британским: бензиновые примусы, кастрюли, продукты. Они также носили британские шорты, башмаки и белье. Я заметил большое количество захваченных британских машин, на которых теперь были наши опознавательные знаки. Добыча, доставшаяся нам в Тобруке, должно быть, была огромной. Однако удовольствие от еды и хорошее настроение были испорчены британским истребителем, обстрелявшим наше расположение. Один из нас получил ранение в ступню, а нашу еду забросало песком. Я узнал от парней, что в воздухе теперь было все больше британских самолетов. Общая ситуация сильно отличалась от ситуации 1941-го. После полудня мы поехали в Эль Дабу, где находилось здание, которое британцы ранее использовали как пекарню. Там мы нашли кучу буханок свежего хлеба и еще хлеб в пока теплых печах. Он разительно отличался от нашего! Это был белый хлеб, свежий, и для нас он было словно пирожные.

На следующий день, за рулем 3/4-тонного грузовика, я отправился в сторону центрального сектора Эль-Аламейнского фронта, где находился штаб нашего полка (пункт Эль Рувейсат/El Ruweisat). Здесь на месте, все были возбуждены, так как все еще продолжались бои 1-го сражения у Эль-Аламайна. Меня оперативно отправили на 5-ю Батарею 2-го Батальона нашего полка. Неподалеку от штаба я, в сухом ручье (wadi) наткнулся на Хайо Мэхтеля (Hajo Maechtel), который пригласил меня перекусить, пока я жду машину. И снова наше застолье было испорчено звеном двухмоторных бомбардировщиков, которые протелели над долиной и сбросили в нее бомбы. Я едва успел запрыгнуть в окопчик. Теперь я воспринимал происходящее вокруг более обостренно, чем раньше. Это была другая война по сравнению с 1941-м. Вскоре после этого бомбового налета я нашел машину и, добравшись до точки, столкнулся с нашим старым фельдфебелем Йозефом Венгермайером (Josef Wengermeyer) – нашим инструктором в Ландау. Он к тому времени уже получил звание обер-лейтенанта и командовал нашей батареей. Хотя сам он стал офицером, мне показалось, что он недолгобливает унтеров...

Меня назначили ответственным за работу грузовиков, подвозящих нам снаряды. В свете растущего превосходства Томми в воздухе перспектива вождения грузовиков, загруженных снарядами, не особенно радовала. Однако мне не пришлось слишком много ездить между складом и батареей, потому что преимущественно было нечего возить. Мы несколько раз меняли позицию, и каждый раз нам приходилось копать углубления для того, чтобы загнать в них передние части машин, чтобы как-то защитить их от пуль и осколков. Это помогло нам сохранить в целости большое количество техники. Иногда

Томми начинали обстреливать нас просто в сумасшедшем темпе, как-то раз – всю ночь напролет. Мы потеряли несколько человек убитыми и ранеными, техника тоже пострадала. Это было ужасно – лежать в окопе и ждать прямого попадания. Молясь Всевышнему и думая о доме, я успокаивал себя и ждал неизбежного, что бы ни ожидало меня. Это была война, которая отличалась от той, которую мы ожидали, когда были невинными пацанами. Так мы растрачивали свою молодость на то, чтобы помочь плохо вооруженным итальянцам воевать с Томми. Мы делали это для Фатерлянда и для нашего Фюрера – во всяком случае, мы так думали тогда. И мы усвоили то, что на противоположной стороне фронта находятся столь же знающие свое дело, упорные и крепкие бойцы, как и мы.

Как-то одним августовским утром я почувствовал себя отвратительно и выbleвал все, что съел до этого. Я должен об этом Венгермайеру, и он послал меня к доктору, который диагностировал у меня желтуху и отправил в госпиталь. Я с трудом добрался до расположения батареи, упаковал свои вещи и на санитарной машине еще с несколькими парнями отправился в полевой госпиталь в Дерну. Это был долгий путь. Я был скорее мертв, чем жив к моменту прибытия. В приемной каждый должен был сдать личное оружие. Я попросился моим добрым, надежным испанским револьвером (копия S&W – *Smith & Wesson*), который я просто любил. Я так и не получил его назад, и после выписки получил уже пистолет калибра 7.65 мм. Лечили нас хорошо, через две недели я почувствовал себя значительно лучше и уже мог ходить. Почти каждый второй день я ходил в Дерну, где на рынке покупал свежие фрукты и овощи. Это еще в большей степени помогло мне поправиться. Кроме Дерны Триполи и Бенгази были единственными местами, где мы могли вступить в контакт с местным населением. Местные вели себя очень дружелюбно. Но в пустыне, где шли бои, никакого населения не было. Я слышал о боях у Алам эль Хальфы (мы называли это сражение *Sechs-Tage-Rennen* – *Шестидневная Гонка*), о поражении и о больших потерях. С одной стороны, я сожалел о том, что не был там с моими друзьями, но с другой радовался тому, что я в Дерне.

За день до выписки из госпиталя я присутствовал на похоронах Ханса-Йоахима Марселя – знаменитого летчика-истребителя, погибшего в авиакатастрофе. [Выписавшись из госпиталя], голосуя, я добрался до линии фронта. Говоря об этом способе передвижения, я должен сказать, что итальянские водители всегда останавливались, чтобы подхватить тебя, тогда как немецкие часто не обращали внимания на человека с большим пальцем, повернутым вверх. В целом, итальянцы были храбрыми солдатами и очень хорошими товарищами, но многие из их офицеров были слабаками. Самым слабым местом итальянцев была их техника, особенно танки, которые были «самоходными гробами».

На батарее я доложил о прибытии новому командиру. Я услышал, что Венгермайер был отправлен в Германию для дополнительного обучения. Первоначально меня послали наблюдателем на передовой пункт, где я оказался со своими старыми друзьями – сержантами Хансом Вэхтером (Hans Waechter) и Хорстом Фаргелем (Horst Vargel) и лейтенантом, имя которого я не помню. Здесь, глядя в 24-кратную стереотрубу, я наблюдал за тем, как Томми концентрируют напротив нас сильную танково-артиллерийскую группу. Бомбежки усилились, и мы понимали, что день британского наступления не за горами. Через 2-3 недели меня вновь назначили руководить подвозом снарядов. Бомбежки становились все интенсивнее. Позади наших позиций располагались минные поля, и мы могли перевозить грузы только по узким проходам, оставленным саперами. Разумеется, британские артиллеристы знали о существовании этих проходов и концентрировали на них свой огонь, поэтому езда по ним была своего рода лотереей. Как-то я попал под такой обстрел, и нам пришлось выпрыгивать из грузовика в поисках укрытия. Двоих наших парней тогда ранило осколками.

23 октября 1942: На фронте было относительно спокойно, если не считать кое-каких действий авиации противника. Я сидел с несколькими друзьями в кузове крытого брезентом грузовика и, при свете свечи, играл в карты. Где-то без четверти 10 вечера мы остановились и начали перебираться в свои окопчики и палатки. На полпути к палатке, в

которой я жил с моим водителем, рядовым Хайманном (Heimann), я увидел, как горизонт на востоке озарился множеством вспышек, и через несколько секунд до нас донесся грохот артиллерийской стрельбы. Я сразу понял, что это – начало британского наступления и что в бой вступили те самые массы танков и артиллерии, которые я видел с наблюдательного пункта. Через какое-то время, может, через полчаса, грохот артобстрела стих, и мы услышали доносившуюся издалека стрельбу. К юго-востоку от нас все повторилось.

В течение нескольких последующих дней нам пришлось несколько раз менять позицию. Линия столкновения с британцами перемещалась вперед-назад, но, в целом, все развивалось в пользу противника. Бомбежки были очень тяжелыми. При перемещении мы разработали специальную тактику, помогавшую нам оставаться в стороне от зоны поражения. Мы внимательно наблюдали за маневрами эскадрилий врага и ловили момент сбрасывания бомб. Мы уносились на полной скорости под углом 90 градусов к ожидаемой зоне поражения и обычно успевали оторваться на безопасное расстояние. Это всегда было лотереей, но спасало нас от людских и материальных потерь...

Когда британцы пошли в атаку на гряду, которую мы удерживали (*речь идет об [Эль-Аламейнском сражении](#) – ВК*), мы снова оказались под сильным артогнем, на который могли ответить только небольшим количеством снарядов, имевшихся у нас в наличии. Нам пришлось отступить и занять другую позицию. Одну гаубицу бросили, так как ее полугусеничный тягач был поврежден. Я, находясь в своем грузовике – канадском *Шевроле*, получил приказ вывести эту гаубицу. Она стояла посреди плоского понижения в рельефе где-то в километре от нас. Хотя весь участок простреливался противником, мы поспешно вытащили гаубицу без ущерба для себя.

Затем мне пришлось выбираться оттуда на двух грузовиках, чтобы подвезти снаряды. По пути на склад мой грузовик столкнулся с самоходкой, меняющей свою позицию. Задний мост был поврежден, пружины подвески оказались погнутыми. Я знал, где находится мастерская, и мы потихоньку тронулись туда, в то время как другой грузовик продолжил свой путь на склад боеприпасов. Мы отремонтировали грузовик и загрузились на складе снарядами, но их там оставалось совсем мало. Я попытался найти свою батарею, начал кружить по местности, но был остановлен каким-то офицером и получил приказ отступить. Он сказал, что нужно отходить, что линию обороны более невозможно удерживать и нужно двигаться к сборному пункту, расположенному неподалеку от Тобрука. Когда мы нашли этот пункт, он уже переместился в Бенгази. В первые дни отступление шло довольно быстро, поскольку британцы сидели у нас на пятках. Когда их линии снабжения растянулись, они потеряли темп и сильно сбавили скорость...

Нашей вечной проблемой была нехватка бензина. Не помню как, но мой водитель Хайманн всегда был способен «организовать» достаточное количество горючего для того, чтобы мы были на ходу. На контрольном пункте в Бенгази я получил приказ присоединиться к группе *Ballerstedt*, находившейся в Буерате (Buerat). Там мы построили новую оборонительную линию: минные поля, траншеи, артиллерийские позиции. Эта линия простиралась на юг на расстояние в 20 км. Но она так и не помогла нам, поскольку основные силы 8-й Армии британцев продвигались дальше к югу и могли отрезать нас. Все эти усилия [по строительству укреплений] оказались напрасными.

Наступили Рождественские дни 1942 г. Несмотря на весь хаос, сопровождавший отступление, нам раздали вино, шоколад, свежий хлеб и другие деликатесы, которые мы не видели уже несколько месяцев. Температура была умеренной – 20-25 градусов. Тем временем американцы высадились в Марокко. Мы знали, что это означало конец, наступление которого было только вопросом времени...

Январь-Март 1943: После короткого отдыха мы двинулись в направлении Триполи, оставив в стороне оазис Бени Улид (Beni Ulid), расположенный в довольно гористой местности. По дороге вниз, с гор, я встретил своего старого друга лейтенанта Ханса

Майера (Hans Meyer), который служил в штабе нашего батальона. После короткой беседы он направил меня в городок Азизиа (Azizia), расположенный к югу от Триполи. Там наша дивизия должна была соединиться со свежими частями, спешно переброшенными из Сицилии. По дороге от Буерата к Бени Улид, я получил ранение в указательный палец правой руки. В рану попала инфекция, и палец стал страшно болеть. Неподалеку от Бени Улида я, в итоге, нашел врача. Он разрезал рану, заново перевязал ее и отпустил меня. После Азизии, где мы провели несколько дней, замаскировавшись под деревьями, мы продолжили движение в направлении Триполи и дальше на запад, в сторону Туниса. Мы, вроде, пересекли границу Туниса примерно 15 января 1943 г. Все время было занято обслуживанием техники, организационными вопросами и болью в пальце, которая никак не проходила.

Как изменился ландшафт! Мы думали, что попали в рай – из пустыни в пальмовые рощи, туда, где текут ручьи, где живут люди, стоят дома – назад, в цивилизацию. Мы слышали, как муэдзин зовет верующих на молитву, ели свежие фрукты и овощи, пили отличную воду и отдыхали в тени. Линию Марет (Mareth) готовили к оборонительным боям. По дороге на Сус (Soussou, Тунис) мои грузовики были атакованы самолетами противника. Мы увидели их достаточно заблаговременно и успели выскочить из машин. «Смешные самолеты,» - подумали мы. Они были двухфюзеляжными и весьма маневренными. Должно быть, это были американские *Лайтнинги* (Lightning). Их огонь повредил один из наших грузовиков, и его пришлось бросить на дороге. Когда *Лайтнинги* стали удаляться, мы, было, вздохнули с облегчением, но, к нашему удивлению, в нашу сторону понеслись пулеметные очереди! В самолете был еще один стрелок! *(сомнительно, чтобы это были Лайтнинги, так как эти самолеты со стрелком задней полусферы в Африке не применялись – ВК)*

Несмотря на частые посещения врача или фельдшера, мой палец никак не заживал, кроме того, я опять почувствовал боли в правом бедре, и эти боли становились день ото дня все сильнее. Пришлось опять идти в госпиталь, так как я почти не мог ходить. Сказывался удар о станину пушки в июне 1941 г. В госпитале мне сделали рентген, нашли опухоль на кости, но оперировать не стали из-за неопределенности диагноза. На ногу наложили шину, ходить я не мог и сильно страдал от болей. Вскоре я был эвакуирован на госпитальном судне. 15 марта 1943 г. я покинул Африку, добрался до Неаполя, а далее, на поезде, в Розенхайм (Rosenheim, Бавария), где остался на 6 месяцев...

После госпиталя автор записок был на поправке еще 6 месяцев, а затем в апреле 1944 г. был направлен под Монте-Кассино, где принял участие в оборонительных боях. Он закончил войну в Альпах после капитуляции нацистской Германии.

Приложение: фотографии, сделанные Хельмутом Оршидтом, его сослуживцами и другими военнослужащими Африканского Корпуса

LFH 18 (Легкая Полевая Гаубица) 2-й Батареи 33-го Полка (II./Pz.AR 33) на огневой позиции близ Тобрука. Апрель 1941 г.

Привал в прибрежном оазисе по дороге на фронт. Май 1941 г.

Роммель инспектирует позиции 33-го Артиллерийского Полка. Май 1941 г.

Вид на форт Капуццо (Capuzzo), за который в ходе операции британцев Battleaxe велись ожесточенные бои. Первоначально он был взят британцами (7-я Танковая Дивизия), затем отбит у них, и британские войска отступили в Египет.

Немцы осматривают трофейную британскую 25-фунтовую гаубицу (калибр 87.6 мм), которую было решено применить в бою после изучения захваченного руководства по ее использованию. Для этой гаубицы у немцев оказалось больше снарядов, чем снарядов для всех пушек собственной батареи. Благодаря хорошо сбалансированному лафету, с этой пушкой было легко действовать в бою, особенно в условиях быстрой смены целей. Один человек мог приподнять лафет и повернуть пушку, так как у нее были надувные шины, горизонтальная наводка осуществлялась очень легко и быстро. Май 1941 г.

Горящий британский танк Матильда (Mk II. Mathilda) напротив форта Капуццо во время операции Battle Axe. 15-17 июня 1941.

Тот же танк под огнем немецких артиллеристов. Британский экипаж успел покинуть машину и был взят в плен.

Немцы тщательно осматривают подбитый британский танк Матильда в поисках сигарет, табака, галет, мармелада, колбасы, мясных, овощных и фруктовых консервов и других продуктов. Пользовались спросом и отличные британские спальные мешки, которые вполне годились для холодных ночей в пустыне. Кроме того, немцы ценили трофейные бензиновые примусы. В свою очередь, у британцев ценились немецкие полевые кухни и брезентовые башмаки.

Утренний туалет в день затишья. Апрель 1941 г. близ Тобрука.

Отдых в день затишья близ Тобрука. Для создания комфортных условий использовано сидение, взятое из неисправной машины. На голове – защитная сетка от мух.

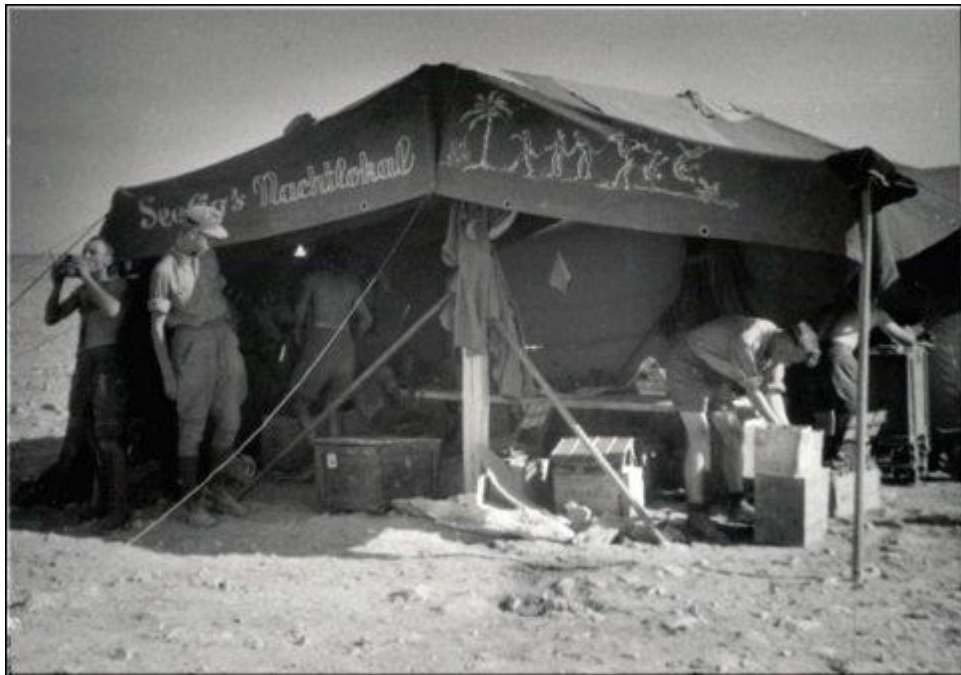
Май 1941 г., близ египетской границы. Автор записок пишет письмо домой. Несмотря на все проблемы со снабжением, почтовое сообщение с домом было регулярным, и мать Оршидта даже посылала ему маленькие сухие пирожные, которые всегда доставлялись в отличном состоянии.

Купание в знаменитой бухте порта Бардии в мае 1941 г. В то время немцы еще могли спокойно купаться, не опасаясь возможной атаки с воздуха.

Банный день. Затишье

Палатка артиллеристов расчета, в котором служил Хельмут Оршидт. Май 1941 г.

Тяжелая гаубица 3-го Батальона 33-го Артиллерийского Полка (III./Pz.AR 33) ведет огонь под Тобруком. Май 1941 г.

Тяжелая гаубица 3-го батальона 33-го Артиллерийского Полка ведет огонь по британским танкам под Тобруком. Май 1941 г.

Уничтоженный близ Тобрука британский танк Mark II. Май 1941 г.

Трофейный британский танк Mark IV (Cruiser). Если британские танки попадали в руки немцев в рабочем состоянии, их вводили в строй. Однако, таких танков было мало, поскольку они обычно доставались немцам сильно поврежденными или сгоревшими.

Вид с перевала Халфайа (Halfaya Pass) на залив Соллум (Sollum, Египет). В 1941 г. здесь непрерывно шли тяжелые бои, поскольку этот перевал был ключевой позицией для британцев. Через него проходили более короткие пути снабжения их войск, и без контроля над ним грузы приходилось доставлять круговым путем через пустыню. Только в конце 1941 г. британцы сумели взять перевал после того, как немецкие части под командованием капитана Баха (Bach) израсходовали все боеприпасы и остались без воды и продовольствия. Здесь в июне 1941 г. британские танкисты понесли тяжелые потери от огня 88-мм зениток...

Очередная могила для погибшего при осаде Тобрука немецкого солдата. Июнь 1941 г.

Немецкое военное кладбище под Тобруком. Июнь 1941 г.

На заднем плане – городок Бардия, сильно разрушенный в ходе бомбежек. В центре – понижение и спуск к морю, где автор записок и его товарищи иногда купались и стирали форму. На переднем плане – различные транспортные средства, умышленно оставленные немцами на существенном расстоянии друг от друга, чтобы не сделать их легкой целью для случайного вражеского истребителя.

Немецкие танки собраны на небольшом участке для заправки горючим. В 1941 г. это еще было возможным, поскольку Люфтваффе имело превосходство в воздухе. В 1942 г. такое скопление техники стало бы лакомым куском для господствующей в небе Северной Африки британской авиации.

Автотягач, прицеп для боеприпасов и гаубица. 25-фунтовка имела калибр около 100 мм и максимальную дальность стрельбы порядка 12 км. Она была сопоставимой по характеристикам с немецкой LFH 18 калибра 105 мм.

В пустыне техника быстро изнашивалась. На этой фотографии артиллеристы меняют резиновые подушки на гусеницах тягача. Это была очень тяжелая работа, в которой должны были принимать участие все без исключения. Май/июнь 1941 г.

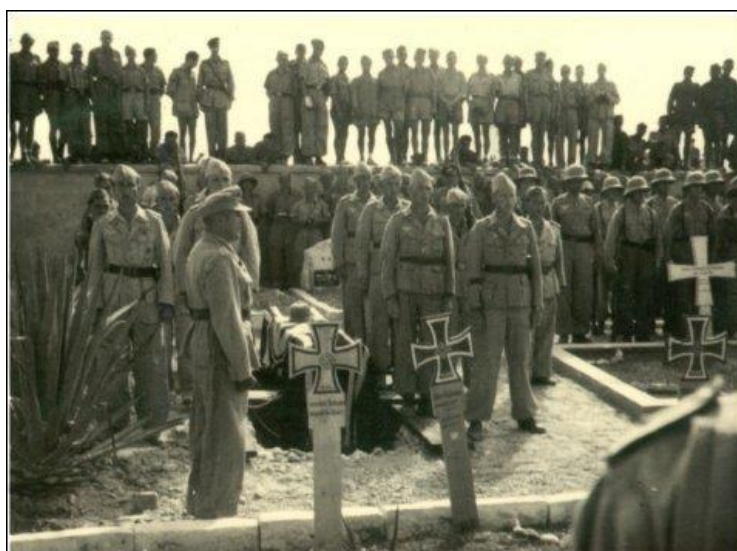
Эль-Аламейнский фронт. Сержант Ханс Вэхтер осматривает подбитый британский танк Mark II, брошенный экипажем после того, как огнем расчета Хельмута Оршидта были повреждены его гусеницы.

Так немецкие солдаты ставили свои палатки, если была возможность немного углубиться в землю. Эль-Аламейнский фронт, август 1942 г.

Немецкие артиллеристы готовят позицию для своей гаубицы. Эль-Аламейн, июль 1942.

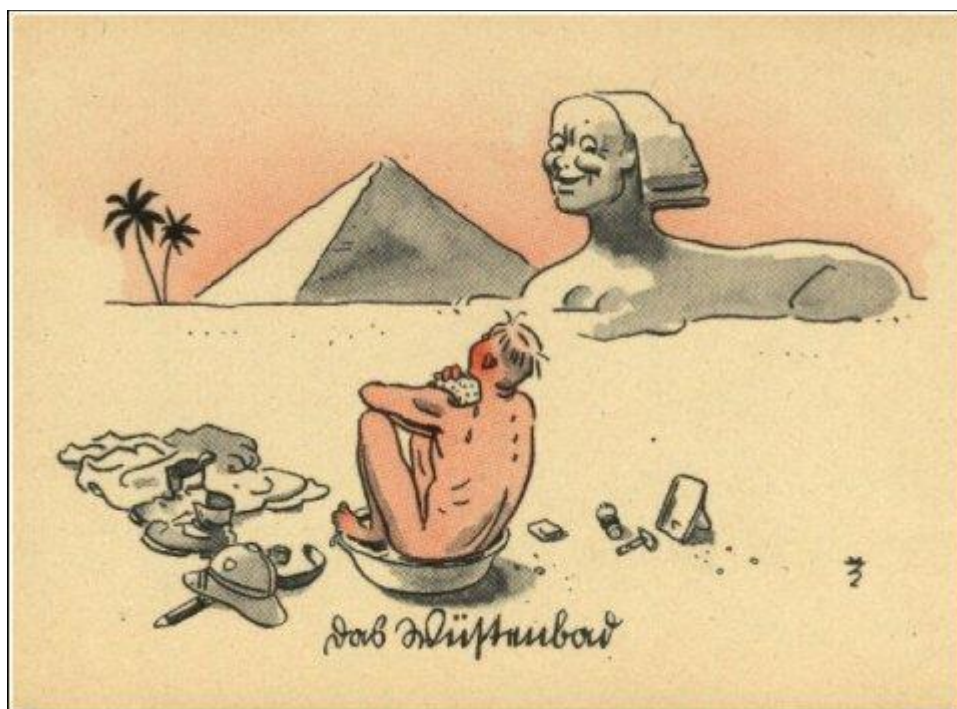
Похороны знаменитого аса Ханса-Йоахима Марселя в Дерне (Ливия). В это время автор записок находился с желтухой в местном госпитале. Первые числа октября 1942 г.

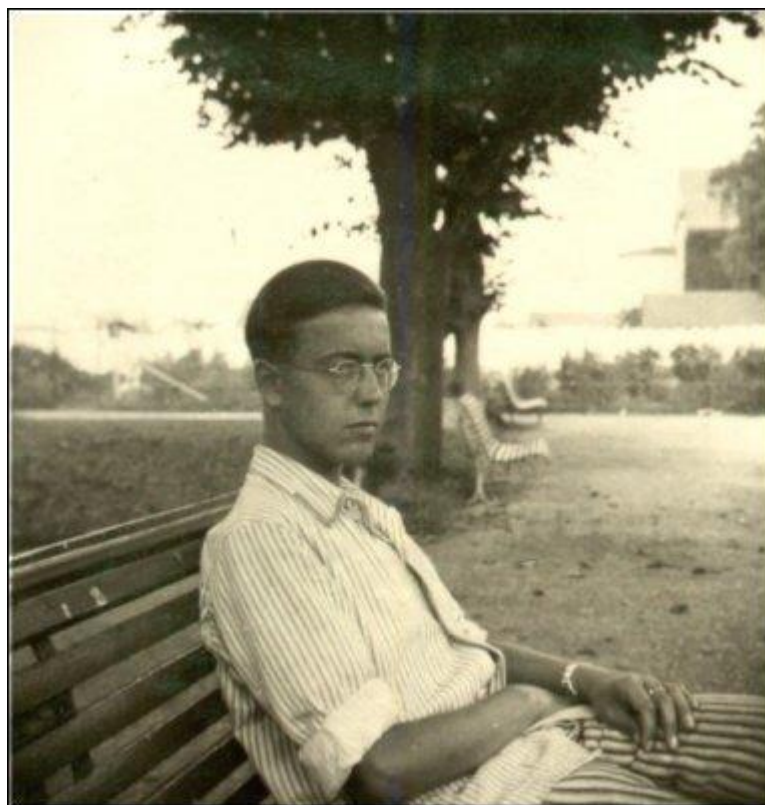
Автор записок на передовом наблюдательном пункте под Эль-Аламейном незадолго до британского наступления. Несмотря на очевидную концентрацию британских танков и артиллерии напротив позиций немецких артиллеристов, им не разрешали открывать огонь из-за нехватки боеприпасов.

Рождество 1942 г., период отступления от Эль-Аламейна. По случаю праздника были выданы увеличенные пайки хлеба, красное вино и кое-какие деликатесы. Интенданты были щедры, потому что многое на складах приходилось оставлять и сжигать... Оршидт – в центре.

Стандартная солдатская открытка военнослужащих Африканского Корпуса.

Июль 1943 г., Selfteimer, Германия. Автор записок в стандартной больничной одежде.

<http://deutsches-afrikakorps.blogspot.pt/2010/12/helmuth-orschiedts-war-in-africa.html>

<http://www.popski.org/thepopskistory/personalstories/helmuthorschiedt>

Возврат на главную страницу www.warsstory.org